

Рената Окинская

Карма для очаровательных ЭГОИСТОВ

18+

Рената Окинская

Карма для очаровательных эгоистов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63531391

SelfPub; 2020

Аннотация

Две совершенно не похожие женщины однажды сталкиваются при более, чем странных обстоятельствах. Одна из них, Лидия – взрослая замужняя домохозяйка, вторая, Настя – молодая и горячая невеста одного хорошего парня. Между ними ничего общего, кроме того, что каждой в жизни довелось повстречать эгоиста, готового разрушить чужую жизнь ради собственной прихоти. И для каждой из них эта встреча становится судьбоносной. Лидии приходится совершить поступок, на который она считала себя не способной, для того, чтобы защитить себя и близких, а Настя вынуждена бороться с собственными демонами, когда выясняется, что чужое эго может быть привлекательным и желанным.

Рената Окинская

Карма для

очаровательных эгоистов

Пролог

Яркая лучистая луна щедро заливала светом маленький дачный поселок, раскинувшийся в живописном изгибе реки. В этом холодном и ярком лунном свете поселок казался очень красивым и загадочным. Густые черные тени в контрасте с серебриющимися бликами скрывали все уныние и запустение, которое способен подарить ноябрь. Сейчас, когда тучи унесло суровым северным ветром, когда небо очистилось, и выплыла во всей красе луна, можно было бы даже представить себе, что на улице не так уж и плохо, не так холодно и промозгло, не так зябко и неуютно на сыром ветру... Но, все было именно так.

Этот ветер разогнал всех дачников, заставил покинуть свои престижные дорогие коттеджи, и перебраться в город, поближе к цивилизации, от которой здесь, в тихом и таком чудесном летом месте, было все-таки далековато. Ветер спелся с дождем, и выгнал, выгнал их всех – успешных, зажиточных, могущих позволить себе приобрести эти замечательные участки, обнесенные глухими заборами, скрытыми

от людских глаз, расположенные в тихом и уединенном месте.

Поэтому и некому было любоваться этим волшебным, сказочным лунным светом. Некому было представлять себе, как великолепно тут станет зимой, когда всю эту слякоть прикроет чистый белый снежок... И тогда снова станут приезжать люди, и окрестности наполнятся движением и жизнью, в домах зажжется веселый уютный свет и жарко запылают камины. Не так, как сейчас...

Конечно, так размечтаться мог бы и сторож. Но он трезво рассудил, что в такую непогоду вряд ли кто сунется на дачу, да еще и в будние дни. Поэтому вот уже третий день самозабвенно бухал с кумом в соседней деревне, а вверенные ему под охрану дачи стояли тихие, темные и безлюдные. Почти...

Тем двоим, которых все-таки занесло в эти края в такую мрачную пору, было совсем не до любования луной. Хотя оба признали, что и окончание дождя, и этот яркий лунный свет более чем кстати.

Эти двое и не подозревали о существовании друг друга. Женщина, которая усердно ворочала лопатой, скидывая в сторону тяжеленные влажные комья земли, не один раз чутко прислушивалась к тому, что творится в округе, прежде чем начать свои странные ночные раскопки.

Девушка в доме, расположенном на соседнем участке, отделенном высоким, в полтора человеческих роста, кирпичным забором, тоже была уверена, что она вообще одна на

целом свете. Она открыла дверь, вышла на крыльцо, вдохнула полной грудью сырой холодный воздух и на миг замерла. Зябко повела плечами – платье, в которое она была одета, хоть и шерстяное, но все-таки не защищало от холода, слишком уж было промозгло. Лунный свет высветил, как на ее лице выражение отчаяния сменяется мрачной решимостью. Она обернулась, посмотрела назад, нахмутив брови. Задумчиво покачала головой, но не кому-то, а словно бы самой себе. Там, в доме, обращаться к ней уже никто не мог... Потом она вдруг вскинула голову, внимательно прислушалась.

Показалось? Или нет? Она тихонько двинулась на звук, глубоко увязая в грязи тонкими каблучками кожаных сапожек. Подошла к забору и снова замерла, прислушиваясь чутко, как испуганный зайчонок. Звуки на время прекратились, и она уже почти решила, что ей показалось, но, на всякий случай, решила проверить. Огляделась, и обнаружила прислоненную к стене кирпичного сарая лестничку, стыдливо спрятанную подальше с глаз людских. Тихонько подошла, попробовала приподнять – она оказалась коротенькой, в пять ступенек, и от того легкой. Девушка снова неслышно подкралась к забору, прислонила лестничку и забралась на нее, торопливо озираясь по сторонам. Высоты лестнички едва хватило, чтобы высунуть голову за забор.

Но на последней ступеньке модельная обувь сыграла с ней злую шутку. Подошву, предназначенную для поездок в машине и прогулок до ближайшего ресторана, но никак не

для лазанья по сомнительным деревьяшкам, повело. Девушка непроизвольно вскрикнула и, ругнувшись словом, которое приличные девушки и знать-то не должны, судорожно вцепилась в ограду.

Женщина вздрогнула. Лопата выпала у нее из рук, и она испуганным сусликом застыла над ямой, вглядываясь в лицо, нависшее над забором в каких-то пяти метрах от нее. Она глубоко и несколько судорожно вздохнула, и спросила, стараясь, чтобы голос звучал как можно увереннее:

– Вы кто? Что вам тут нужно?

Девушка растерялась, испугалась. Не приведи Господи ей рассказать кто она, как сюда попала, и чем теперь занята! Она в панике молчала, лихорадочно пытаясь придумать хоть что-то правдоподобное в ответ. Но тут взгляд ее упал несколько дальше, за спину женщины, нервно сжимавшей поднятую лопату. И то, что она увидела за этой спиной, заставило взмокшую от испуга спину покрыться ледяными мурашками. Ведь там, на черной раскисшей земле, сваленное кое-как лицом вниз, лежало женское тело. Белые волосы красиво отсвечивали серебром в лунном свете, но... Все же это было тело. Мертвое тело, живые так не лежат! Мертвое, такое же мертвое, как и то, которое она совсем недавно оставила в доме. С той лишь разницей, что ее мертвец был мужского пола...

Соображала девушка всегда быстро. Оправившись от первого потрясения, она стала подмечать, как нервно сжимает

женщина лопату обеими руками, как облизывает разом пересохшие губы, как щурит глаза на испуганном лице, пытаюсь получше разглядеть кто перед ней. Поэтому, собрав в кулак всю свою смелость, все свое отчаяние от ситуации, в которую влипла, она вскинула голову и строго поинтересовалась:

– А вы кто?!

Королева и мальчики.

– И вот здесь, по краешку, пусти черное с серебром, – ин-структировала меня Маргарита, объясняя, какой на этот раз она хочет маникюр, – и чуть покороче сделай, а то цепляюсь за все, достало уже! Но только чуть-чуть! А то спилишь мне сейчас все под корень...

Понятно, ногти хотим длинные, но удобные. Так это больше от хозяина рук зависит, чем от мастера. Ай, ладно, Маргарита всегда привередничает, это характер, вот бы я удивилась, если бы она вдруг всем была довольна! Вот и в этот раз она, придумав, как всегда что-то замысловатое, теперь пристально следила за моей работой, готовая в любой момент высказать свое «фи».

Я взяла ее пальцы, стала спиливать старый гель, а заодно прикидывать, как изобразить ту причудливую смесь черного и серебра на темно-красном фоне, которую она у меня потребовала.

– Жаль, что у тебя курить нельзя, – в который раз посе-

товала Маргарита, недовольно хмуря свои идеальные брови, и окидывая взглядом мою гостиную, в которой был устроен импровизированный маникюрный салон на дому.

– Ты же знаешь, у меня дочка, – в который раз терпеливо ответила я.

– Ай, дочка! Много ей вреда было бы с одной сигареты! – фыркнула Маргарита. – И вообще, сказала бы Илье, давно бы уже вытяжку поставили!

Я бросила на Маргариту косой взгляд и ничего не ответила. А что отвечать? Что она единственная из всех моих клиенток, которую невозможность курить в то время, как ей делают маникюр, приводит в состояние бешенства? Или то, что ни я, ни мой муж – не курим, и запах табачного дыма в нашем доме на фиг не нужен? Или, может быть то, что распорядиться здоровьем и воспитанием чужого ребенка – просто самое настоящее свинство?

В этом не было никакого смысла – Маргарита признавала только свое мнение. Она вообще жила по принципу – есть она, и есть все остальное человечество. И все это остальное человечество что-то ей должно. Сама же Марго не должна никому и ничего, ибо в свое время уже расплатилась по всем счетам. По крайней мере, она сама была в этом уверена.

Я снова быстро глянула на нее. Нет, все-таки, пусть характер у нее и мерзкий, зато внешность... На внешность природа не поскупилась! В свои тридцать пять Марго выглядела едва ли на двадцать с хвостиком. У нее было шикарная фи-

гура – высокая грудь, тонкая талия, ножки, такие длинные и стройные. У нее были потрясающей красоты волосы – густые, длинные, сияющие. Пусть и тщательно покрашенные в салоне, но, за этим она следила строго, никаких темных корней, которые так часто компрометируют блондинок! Если бы я не знала Марго достаточно хорошо, то вполне могла бы поверить, что этот потрясающий жемчужный цвет достался ей от рождения!

Но и это еще не все. К подаркам, которыми одарила ее природа, относилось еще и редкой красоты лицо. С нежной фарфоровой кожей, на скулах отливающей легким румянцем, с точеным прямым носом, с безукоризненным изгибом царственных губ, и звездным сиянием голубых глаз. Это была холодная, северная красота, начисто лишенная солнца, красота айсберга, и она притягивала к себе взгляд, притягивала, как магнитом.

Больше всего Маргарита напоминала мне бриллиант. Даже не просто бриллиант – диамант – камень чистейшей воды, стоящий баснословных денег. Он завораживает игрой своих граней, от него так трудно оторваться... Но он не в состоянии ни согреть, ни утешить...

Несмотря на то, что по возрасту мы с ней ровесницы, рядом с Марго я всегда ощущала, что выгляжу далеко не так сногшибательно, как она. Хотя ведь слежу за собой, ухаживаю изо всех сил! Увы... Это над ней возраст как будто не имеет власти. А у меня все как у людей – и «лишние» ки-

логграммчики набегают, стоит лишь немного дать слабинку, и морщинки потихоньку отвоевывают территорию на моем лице. Конечно, я стараюсь всему этому противостоять, и даже в чем-то получается, но до Марго мне все равно, как до звезды небесной...

Хлопнула входная дверь, вырывая меня из размышлений о потрясающе красивой внешности и потрясающе мерзком характере моей клиентки.

– Юлька, это ты? – окрикнула я. Просто так окрикнула, чисто по привычке. Никто кроме дочки там все равно быть не мог.

– Нет, – тут же послышался ехидный ответ, – это трансформер в кожаном пальто!

– Все с тобой ясно, – усмехнулась я.

Юлька еще немного пошуршала в прихожей, потом зашла в комнату.

– Здравствуйте! – вежливо поздоровалась она. Маргарита едва удостоила ее кивком в ответ. Впрочем, моя дочь этого даже не заметила. – Mam, я на минутку, – скороговоркой выпалила она, и, подойдя совсем близко, почти зашептала мне в ухо: – Можно, когда я уроки сделаю, то к Кате пойду? Ей котенка купили! Я так посмотреть хочу! Можно, мам?

– Можно, – разрешила я, – только в восемь чтоб была дома.

– Хорошо! – Юлька аж подпрыгнула от радости. – Спасибо, мам!

Она топталась рядом, ей явно хотелось обнять и поцеловать меня. Но она отлично знала, что когда у меня сидит клиентка, а тем паче, когда в моих руках чьи-то пальцы, трогать меня нельзя ни в коем случае.

– Иди, иди, трансформер ты мой, – улыбнулась я ей. – На кухне обед, разогрей и поешь. А потом за уроки.

– Хорошо, мамочка! – и моя дочка, как маленькая птичка, радостно упорхнула на кухню.

– Милая девочка, – милостиво оборонила Марго. – Сколько ей сейчас?

– Девять.

– Гм... крупновата, для своего возраста. Может дылдой вырасти. А так ничего, на мордашку так даже симпатичная...

Вот всегда она так! Даже если вроде и хвалит, а все равно, так скажет, что противно! Тем более что ей нет до моей дочки ровным счетом никакого дела. Просто откуда-то есть в ней эта мерзкая черточка – в любом существе женского пола обязательно найти изъян, а если его нет, так выдумать, и обязательно сказать об этом вслух. Если бы она не была такой потрясающе красивой, я бы сказала, что у нее застарелые комплексы на почве внешности.

Впрочем, Марго посчитала, что и так уделила моему ребенку более чем достаточно внимания, поэтому она вернулась к прерванной теме – а именно – к обсуждению достоинств своего нового любовника.

– Лидия, дорогая, я тебе скажу – это что-то! Давно мне

не попадался такой шикарный экземпляр! Прямо огненный темперамент! Когда встречаемся, так он, честное слово, меня из постели только до туалета выпускает. А так – даже есть не дает. – И добавила с каким-то хищным умилением: – Же-ребец...

Она сладострастно потянулась, умудрившись при этом не пошевелить рукой, которую я сейчас обрабатывала. Я молчала, целиком сосредоточившись на тонкой работе. Марго это не тревожило – она была твердо убеждена, что если приходит на маникюр, в парикмахерскую, на массаж – все равно куда, то уши мастера – это как обязательное бесплатное приложение. И она отрывалась на всю катушку, без стеснения выкладывая мне самые интимные подробности своей жизни. Причем это не смущало ни ее, ни меня. Ее – потому, что она считала, что все, кто занимается обслуживанием, куда она относилась и маникюр – это все равно, что мебель, или, скорее, очень продвинутая бытовая техника. Меня же все это не смущало, во-первых потому, что, как правило, я ее просто не слушала, пропуская похабные откровения мимо ушей, во-вторых, относилась к этой болтовне, как к неизбежному злу. По большому счету, это еще не самый плохой вариант, ей хотя бы не требуется, чтобы ей поддакивали, отвечали и обсуждали с ней все ее животрепещущие темы! Нет, Марго вполне устраивало, что звучит по большей части лишь ее голос. Ведь это был лучший голос в мире. Подозреваю, что если бы это не отдавало легкой шизой, то она и сама себе бы

все это рассказывала с превеликим удовольствием.

А так приходилось выслушивать мне, ведь при таком стервозном характере, как у нее, и подружки были соответствующие – все сплошь змеи и сколопендры. С такими делиться – все равно, что руку в серпентарий засовывать. Либо обсмеют, либо испохабят, а то и вовсе – отбить попытаются. Чисто из спортивного интереса. В общем, не те это были подружки, с которыми проходишь огонь и воду... Да и не нужен ей был никто, кроме любовников, которых она порой заводила от скуки.

– Так что, милая моя, я тебе говорила, говорю и буду говорить – дура ты, и страдаешь фигней, – эти слова так же небрежно и высокомерно слетели с ее губ. – Прилепилась к своему мужу, как будто на нем свет клином сошелся! А от жизни надо брать все! Вот, посмотри на меня, у меня каждый месяц новый жеребец, и что? Кто скажет, сколько мне на самом деле лет? Потому, что нужен приток свежей крови. Для женщины это просто необходимо. И если бы ты меня слушала, так давно бы уже сияла, как звезда молодая, а не как сейчас, как клуша какая-то...

«Скорее уж приток свежей спермы!» – со злостью подумала я. Иногда все-таки, ее манеры выводили меня из себя. Ведь ей никогда, ну никогда не понять, что лучше я буду выглядеть на свои, уж сколько есть, чем отдаваться всем без разбора! У меня есть муж! Один, единственный и неповторимый. Мне даже подумать противно, что ко мне может

прикоснуться кто-то еще! Но Марго, с ее холодным сердцем и философией закоренелого эгоцентриста, этого в жизни не понять!

Честно говоря, мне было наплевать и на философию и на саму Марго. Кроме тех моментов, когда она позволяла себе вот так вот, уж слишком нагло проповедовать свои самолюбивые взгляды на жизнь!

– Каждому свое, – ответила я холодно. – Ты же знаешь – прыгать из постели в постель – не мой конек. Я однолюб, и мне это нравится.

– Ах да, я и забыла, извини, – она поджала губы с непередаваемой смесью презрения и отвращения. Что удивительно, даже такие гримасы не портили ее породистое лицо. – Счастливая жена любимого мужа! Какая же ты зануда, дорогая!

Она и не подумала извиниться за свое нахальство, а я с трудом удержалась, чтобы не пропороть ей машинкой палец до кости. Чисто так, из вредности.

– Ну и фиг с тобой, – она махнула на меня свободной рукой, – много ты понимаешь! Это же такой кайф. Это такой кайф, когда тебя ТАК хотят! Это лучше, чем наркотик.

Я посмотрела на нее. Надо же, как ее пробирает, кошку хренову, аж глаза дымкой заволокло. Мелькнула мстительная мысль, что в следующий раз надо накапать ей «Контракс» в зеленый чай. Нашей кошке он обычно помогает...

– И вообще, если бы ты так за своего Илью не цеплялась, давно бы уже выбилась в люди, – все-таки не удержалась и

презрительно бросила она. Заело ее, видите ли, что я ее одернула.

Я усмехнулась. Нашей бриллиантовой красавице и в голову прийти не может, что я делаю маникюр не от жизненной необходимости, а просто потому, что мне это нравится.

Правда, откровенно говоря, от таких клиенток, как она, надо избавляться сразу и без жалости, и я давно бы уже сказала бы ей, чтобы она больше не приходила, но... Ее привела Ангелина, дочка маминой подруги. Привела в ту пору, когда я еще только осваивала нейл-дизайн. Причем Ангелина, недолго думая, напела Марго в уши, что я крутейший профессионал, и что ко мне записываться надо чуть ли не за месяц, и то может свободного окна в расписании не оказаться. Она, глазом не моргнув, расписала меня как специалиста экстра-класса, что первое время заставляло меня несколько нервничать, зато позволяло драть с Марго по наивысшему тарифу. Хотя, надо отметить, что маникюр я и в самом деле делать умею, у меня прямо-таки талант, так что Маргарита от меня всегда уходила довольной.

– Ай, да что с тебя возьмешь! – с легкой досадой сказала она, в расстройстве, что ее доводы мне – как об стенку горох. – Простая ты русская баба, простая и есть!

Ну, насчет простой, это она, положим, загнула. Изюминка, какая-никакая, и у меня имеется, и ухаживать за собой я умею... Просто никакой на свете эликсир молодости не заставит меня заниматься сексом без любви.

А вообще, я думаю, дело ведь не во внешности. Просто Марго не умеет любить, а обычного человеческого тепла, близости, ей все равно хочется. Вот и мечется...

– Ну, все, любуйся, – я развернула обе ее кисти к ней так, чтобы она могла вдоволь насладиться своим новым маникюром, и с удовлетворением отметила, каким удовольствием зажглись ее глаза. Ей понравилось. Еще бы! Я действительно умею делать первоклассный маникюр!

– Теперь через парочку недель на коррекцию, – я первая поднялась, давая ей понять, что засиживаться у меня совершенно необязательно.

– Суперски, – промурлыкала она, вставая. – Как раз то, что я хотела!

Сказать элементарное спасибо ей в голову не пришло. Ну и фиг с ней, лишь бы ушла уже поскорее! Но не успела она выйти из комнаты, как из ее дорогой стильной сумочки раздалась телефонная трель.

– О! – воскликнула она, синие глаза зажглись холодным светом. – А вот и мой бэби звонит!

«Бэби»! Я скривилась. Разве ж можно так мужика называть? Для девушки такое, может, и подходит, но вот мужчине...

Она махнула мне рукой, как само собой разумеющееся подразумевая, что раз ей надо поговорить, то я обязана подождать. Марго принялась щебетать, а я стала наводить порядок на рабочем столе, поневоле прислушиваясь к разговору.

Звонил мужчина, и, судя по ее тону, именно этот, ее последний страстный... конь.

– Да, милый, – куда только девалось ее высокомерие, куда спряталась заносчивость? Голос тек в трубку теплым медом. – Да, уже освободилась. Вот, только что. Ты тоже? М-м-м.. как чудесно. Да, конечно же, встретимся! – она понизила голос до интимного шепота, добавила в него эротической хрипотцы. – Я соскучилась по тебе, мальчик мой! – она запрокинула голову, чувственно рассмеялась. – Развратник! Я согласна! Да, давай, целую. Я скоро приеду. Пока-а.

Мне пришло в голову, что голосом своим она владеет просто виртуозно. От того тона, которым она сейчас в телефон пела, у мужика на том конце провода все уже не только подняться, но и закипеть должно было.

Марго быстро засобиравшись, видать, и самой не терпелось вонзить обновленные коготки в чью-то спину. Небрежно кивнув мне на прощание, она накинула на плечи легкое манто, подхватила стильный зонт-трость, и скрылась за дверью, оставляя после себя волшебный аромат дорогих духов, и чувство омерзения.

Я перевела дух. Надо все-таки предупредить маму и Ангелину, пусть уж там никто не обижается, но принимать эту высокомерную тварь в своем доме я больше не хочу.

– Она ушла? – Юлька высунула из кухни голову.

– Да.

– Наконец-то! Знаешь, мам, она мне не нравится!

– Мне тоже не особенно, – согласилась я. – Но что предлагаешь, она – клиент.

– У тебя и без нее клиентов хватает, – сморщилась дочь, возвращаясь в кухню, – такой фифой можно и пожертвовать.

– Возможно, что ты и права, – сказала я задумчиво, вини-мая мороженое из морозилки. – Будешь?

– Буду! – радостно согласилась дочка.

Еще бы, кого я спрашиваю?

Я смотрела, как Юля поглощает мороженое и в пол уха слушала, о чем она мне рассказывает. Как всегда, моя дочь считала, что я тоже должна быть в курсе всех ее взаимоотношений с подругами. Я кивала, поддакивала ей, а думала совсем о другом.

Визит Марго, как всегда, оставил после себя неприятное чувство. В голову неожиданно закралась мысль – что если Юлька, не дай Боже, хоть краем уха услышит эти ее жуткие разговоры?

Нет, решено, в следующий раз, когда она придет, скажу ей, что это ее последний визит! Она меня сегодня просто достала!

Моя деточка, по обыкновению вылизала всю миску языком, подражая нашей кошке – бороться с этой привычкой я давно уже перестала.

– Спасибо, мамулечка! Ты очень-очень вкусно мороженое готовишь! – промурлыкала она, повисая у меня на шее и целуя холодными губами.

– Рада, что тебе нравится, – я погладила ее по спинке, и напомнила: – А теперь пора за уроки, если хочешь к Кате сегодня успеть...

– Так точно, есть сэр! – дочка отстранилась от меня, отсалютовала, и ускакала в свою комнату.

Я взглянула на часы. Илья придет через полчаса, надо потихоньку собирать на стол. Мне нравилось, что к приходу любимого мужа у меня дома, как правило, вкусно пахло. Илье тоже это нравилось. А еще мне нравилось то, что я могу себе это позволить. Одно из преимуществ, когда принимаешь клиенток прямо у себя дома! Я планировала свой график сама.

Я резала огурцы и помидоры, улыбалась, предвкушая, как сейчас придет с работы мой муж, и мне нравилось думать, что он идет в свой дом, где его любят и ждут, как бы банально это ни звучало. Дом, куда он придет отдохнуть, где можно расслабиться, забыть о тревогах. Дом, где о нем позаботятся, а если надо, то подбодрят и поддержат. Я была счастлива, что у моего мужа есть такой дом. И счастлива от того, что таким его сделала я.

И еще где-то в глубине души радовалась, что эта зараза убралась до его прихода.

Нет, ничего такого, у меня муж верный и любящий. И все же... Эта вертихвостка действительно знала к мужчинам подход. И могла попробовать подкатить к моему мужу просто шутки ради. При мысли об этом мне стало не по себе.

Фу, гадость какая! Я на всякий случай зашла в ванную и посмотрела, как выгляжу. Все нормально, все просто замечательно – каре каштанового цвета уложено тщательно, волосок к волоску, макияж неброский, но выразительный нигде не размазался, платье с декольте выгодно подчеркивает главные достоинства моей фигуры. Ну, есть у меня несколько лишних килограммов, от которых мне никак не избавиться – все-таки роды оставили на теле свой отпечаток. Да, и лицо не такое, каким было десять лет назад, появились морщинки, и кожа чуть обвисла, ну так время вспять не повернешь... И все равно, если сейчас посмотреть на меня со стороны, то можно подумать, что я куда-то на прием собралась, а не просто мужа с работы поджидаю. Но так оно и есть – я считаю, что мой любимый мужчина имеет полное право любоваться своей женщиной.

Сейчас, когда бриллиантовая Марго ушла, я больше не чувствовала себя слишком простой и неуклюжей. Сейчас я снова и привлекательной, и желанной, только не для кого-то, кого я вижу в первый раз в жизни, а для единственного и неповторимого мужчины, такого любимого и родного... Я брызнула любимой туалетной воды на запястья и в вырез платья, улыбнулась себе в зеркало, подмигнула и пошла дальше заниматься ужином.

Из сладких мечтаний меня вырвала дочка. Она ужиком проскользнула в кухню, и тихонько уселась на табуретке в углу. Все ясно – ребенок хочет о чем-то поговорить.

– Чего ты, птичка моя? – поинтересовалась я. – Уроки сделала? Ты когда к Кате пойдешь?

– Почти что сделала, – ответила Юлька, осторожно стаскивая с доски кусочек огурца и отправляя в рот. – Я тебе просто рассказать хотела... Ты только не ругайся, что я сплетничаю! Просто...

– Что? – поинтересовалась я, жестом подбадривая ее. Я и в самом деле отучала ее трезвонить обо всем подряд направо и налево. И раз уж она захотела поведать мне какую-то новость, значит, и в самом деле что-то из ряда вон выходящее.

– Знаешь мам, у нас сегодня в школе один мальчик с собой покончил! – Юлькины глаза возбужденно заблестели. Ей и интересно было, и страшно.

– Чего? – поразилась я. Отложила ножик и уставилась на дочку. – То есть как это – с собой покончил?!

– С окна прыгнул.

– Правильно говорить – выпрыгнул из окна, – машинально поправила я, оглушенная нетривиальной новостью.

– Выпрыгнул из окна, – покорно повторила Юля, теребя косу. – Он из старших классов. Представляешь, прямо на последнем уроке! С третьего этажа ка-ак выпрыгнул!

– И что... насмерть? – я понадеялась, что дочка преувеличила, и ребенок остался жив.

– Да, мам! Говорят, у него шея свернулась. Говорят, он головой вперед прыгнул!

– О, господи... Какой кошмар! – я даже растерялась и не

знала что ей сказать на это. – Надеюсь, ты не сама это видела?

– Нет, – Юля явно была разочарована тем, что ей не довелось взглянуть на место происшествия. – Нас всех в классе заперли! И велели не выходить, пока его не увезли! И асфальт еще помыли! Я тебе не хотела говорить, ты же мне запрещаешь все подряд обсуждать, – моя маленькая лисичка притворно вздохнула, а я ответила:

– Солнышко, я тебе не запрещаю. Я просто прошу тебя не молоть языком без надобности. Совершенно не нужно обсуждать все подряд со всеми подряд. Но такие новости я, конечно же, должна знать, молодец, что рассказала! – Господи, что же могло заставить подростка пойти на такой шаг?! Мои следующие слова были адресованы больше самой себе. – Что ж это он так? С ума сошел что ли, в таком возрасте?.. Жил бы и жил еще...

– Не сошел он! – горячо вступилась Юлька, решив, что я обращаюсь к ней. – Говорят, это он из-за несчастной любви! Что его любимая бросила, вот он и решил с окна спрыгнуть!

– Надо же, как у вас там много говорят! – вздохнула я.

– Ага! – радостно подтвердила она. – Много!

– А что за девочка, кто-нибудь знает?

– Никто не знает, мам. Говорят, он ее королевой называл.

– Как?

– Королевой. Что он, когда по телефону с ней говорил, так ее называл всегда – моя королева.

Барон и красавица.

Поезд чуть покачивало, колеса стучали равномерно, успокаивающе. В плацкартном вагоне было на удивление тихо – глухой гул голосов, чей-то отдаленный храп, и льющаяся откуда-то негромкая музыка в стиле «русский шансон». Я лежала на верхней полке и слепо смотрела в потолок. В голове все неслись мысли, одна за другой, и все, как одна – невеселые.

Ванька меня убьет! Вот как только обратно приеду – он меня по стенке и раскатает. Не знаю, как я с ним объясняться буду? Ведь он так просил, можно сказать, умолял меня, чтобы я не ездила! Чтобы выкинула это все из головы.

– Настя, пойми, Вику уже не вернешь! – в который раз говорил он мне. – Солнышко, я знаю, что это больно, знаю, как ты ее любила, но сейчас – ты ее не вернешь! Поверь, все, что ты можешь сделать – это жить дальше! Я уверен, что она хотела, чтобы ты была счастлива!

Я кивала, соглашаясь с ним. Конечно же, Вика хотела, чтобы я была счастлива! И я отлично знаю, что если бы она узнала, что я задумала, то сама бы, первая, стала бы меня отговаривать. Да что там отговаривать – она бы клещами в меня вцепилась, лишь бы не пускать. Но...

Вика умерла. Вика лежит в холодной земле, поливаемой злыми дождями. Деревянный гроб – вот все, что она получила в итоге. И она лежит там, и уже никогда не будет счастлива...

Ваня отговаривал меня. Ваня упрасивал меня, запрещал, угрожал даже, что если я поеду, то он передумает и не женится на мне. Ваня предлагал мне поехать вместе.

Я представила, как все повернулось бы, если бы я согласилась, и мы поехали с ним вдвоем. Ну, нашли бы мы этого Леонида, не такая уж это проблема – отыскать в большом городе довольно известную личность. Ну, встретились бы с ним, подгадали момент, подкараулили в темной подворотне. А дальше... Ванька бы, конечно, навешал ему люлей, хорошо бы навешал, от души... И все! И все бы этим и кончилось – разбитым носом и парой синяков. Ну, может еще несколькими выбитыми зубами. И поломанными ребрами...

Я же хотела другого! Я хотела мести. Настоящей жестокой мести! Чтобы этот урод, который довел мою подругу до такого, мучился, чтобы боялся, чтобы ему плохо было! И я хотела сделать это сама! Своими собственными руками!

Я сжала зубы и заворочалась на своей полке. При мысли о Леониде и о том, что я готова его голыми руками на кусочки порвать, у меня кровь закипала. Мне хотелось прямо сейчас, немедленно оказаться рядом с ним. Посмотреть хоть раз в его глаза. Попробовать хотя бы понять, чем он так зацепил мою подругу! А потом убить его, убить собственноручно! Причинить ему такую же невыносимую боль, от которой моя маленькая Вика спряталась в своем гробу... И убедиться, что больше он не обидит никого и никогда. Только тогда я смогу снова жить нормально. Только тогда я смогу снова

жить и радоваться жизни.

А Ванька... женится он на мне, никуда не денется. Пальцы произвольно потянулись к шее, нащупали золотой кулон в виде четырехлистника – его подарок. Ванина беда в том, что он старше меня на пять лет, и поэтому привык считать меня маленькой девочкой. Понятное дело, он свой бизнес поднять старается, на ноги встать, чтобы семью обеспечивать, весь такой серьезный, но иногда он со своей опекой прямо-таки через чур... Ну никак он не может понять, что не смогу я жить с этим, жить, любить его, радоваться, детей заводить, если буду знать, что Л.Калинный все так же беззаботно ходит по земле. Видит Бог, он этого не заслуживает! Такие гады, как он не имеют права жить!

Я сжала кулон, поцеловала его и бережно спрятала под футболку. Я люблю тебя, мой милый, люблю, ты же знаешь! И то, что я сбежала, воспользовавшись тем, что тебе пришлось уехать на несколько дней – это же не со зла. Ты же все понимаешь, Ваня, солнце мое! Ты же все понимаешь! Ты же знаешь, что я безбашенная, ты за это меня и любишь!

И когда я вернусь, ты меня простишь за этот побег, я знаю! Мне так не хотелось так поступать с тобой – сбежать тайно, наврав тебе, что с места не сдвинусь... Но ты бы меня не отпустил, а не поехать я не могла. И это ты тоже знаешь, любимый мой.

Я перевернулась на бок, усталилась в стенку. Родители в шоке, наверное. Я вспомнила, какую записку им оставила:

«Мои любимые мама и папа!»

Простите, но мне пришлось срочно уехать на несколько дней! Обещаю, что со мной все будет в порядке, и я скоро вернусь! Пожалуйста, не волнуйтесь за меня, все-таки я уже совершеннолетняя!

Люблю вас, целую!

Дочка Настя»

Конечно, они все равно будут волноваться, особенно мама. Конечно, они будут пытаться звонить мне, поэтому я вынула свою домашнюю симку и поставила новую. Конечно, они позвонят Ваньке, и он в ужас придет от того, что я все-таки сбежала. Но... Я вернусь, обещаю! Сделаю то, что должна – и сразу вернусь.

– Вот и везу его к святому источнику. Все надеюсь, может, хоть там ему помогут, – доносилось бормотание с нижней полки. Там близко, голова к голове, сидели две тетушки и беседовали. Одна другой рассказывала, что везет куда-то там внука лечить от какой-то болезни. От какой – я так и не поняла. Внук – мальчик лет десяти, с виду вполне здоровый, только тихий, гонял какую-то игрушку на планшете, свернувшись на полке напротив меня.

Я порадовалась, что мне повезло с соседями. Тетки эти

сразу общий язык нашли. Одной из них я еще в самом начале уступила свою нижнюю полку, и вот теперь, вполне довольные, они болтали вполголоса, обсуждая все на свете – от проблем со здоровьем, до экономики и политики. Обе чувствовали себя экспертами как в медицине, так и в управлении страной, а главное – не лезли ко мне с разговорами. И вообще, не обращали на меня никакого внимания. Я была этому рада, не до разговоров мне сейчас было. Мне нужно было морально подготовиться к встрече с человеком, который был повинен в смерти моей подруги.

Я достала из-под подушки телефон, запустила «галерею». Господи, сколько же у нас с ней снимков! И везде мы вместе, рядом! Мне было с ней так хорошо! Вика всегда понимала меня без слов, впрочем, как и я ее. Если бы не эта ее навязчивая идея... если бы она не уехала тогда в большой город... Если бы не познакомилась с Леонидом.. если бы, если бы, если бы!

Я почувствовала, как на глазах снова закипают слезы. Достала платок, высморкалась тихонько, чтобы не привлечь внимания насекомых, мирно кудахтающих внизу. Они как раз решили пить чай и теперь шумно и навязчиво делились друг с дружкой своими припасами, всячески пытаюсь привлечь к этому развлечению и мальчишку. Он на все их предложения: «Бутербродик с буженинкой будешь?», «А может, ты печеньица хочешь?» лишь молча качал головой, не отрывая глаз от монитора.

– И вот всегда так! – вздохнула одна из женщин, скидывая с плеч тонкую вязаную шаль. – Прямо целая проблема его уговорить ну хоть что-то съесть, ничего не хочет!

Она снова горестно вздохнула, и вторая тут же принялась ее утешать и ободрять. Я мельком подумала, что излечить его недуг несложно – отобрать планшетник и выставить на двор, футбол с пацанами гонять. Через пару месяцев, глядишь, и не вспомнил бы, что вообще чем-то болел! И мне тут же стало стыдно – на самом деле, я же не знаю, что там у него, может он и сам рад бы с мячиком побегать или на велике погонять, да не может...

Все это пронеслось в моей голове невнятной чередой, и я снова погрузилась в свои мысли. Я снова и снова вспоминала все, что Вика писала мне в сети. О том, как приехала туда, как устроилась. О том, как встретила его, Леонида. Совершенно случайно, шла по улице мимо бизнес-центра, где расположен его офис, копалась в сумочке, искала мобильник, куда-то он у нее завалился... и неожиданно налетела на него, ногу ему оттоптала. Принялась извиняться, и вдруг узнала его. Поняла, что пальцы отдала не кому-нибудь, а дизайнеру интерьеров с мировым именем, о котором она столько слышала и читала, ведь стать дизайнером – это была и ее мечта. Она от неожиданности так разволновалась, что двух слов сказать не могла, а его так умилило ее смущение, что он, недолго думая, пригласил ее в кафе на чашечку кофе.

Вот так вот и завязался их роман, и Вика честно призна-

валась мне, что в первый же вечер влюбилась в него без памяти. И он, сам Калинный, надышаться на нее не мог, и пылинки сдувал, и на руках носил... Вика ходила такая счастливая, невероятно счастливая, и уже о свадьбе начала говорить... Она плакала, когда говорила мне, что он уже не раз намекал ей, что вот-вот сделает предложение... И это были слезы радости, и я была тоже безумно рада за нее и плакала вместе с ней. Когда я разговаривала с ней последний раз – ее голос звенел от радости, от предвкушения, от восторга...

А потом... эта короткая запись, это маленькое страшное сообщение:

«Настя, это конец! Это меня просто убивает... Он не любит меня. Совсем не любит. Все это было для него просто развлечением. Я ему не нужна. Просто не нужна больше.»

Он меня выгнал, Настя!

Я не могу... Я не могу без него. И не могу к нему вернуться. Он мне нужен! Я не могу так больше, Настя!

Я знаю, что не смогу так жить! Прости меня, сестренка!»

Вот и все. Несколько строк.

«Это меня просто убивает»... Слезы хлынули из глаз с новой силой. Вика называла меня сестренкой. И я ее тоже! Она была мне больше, чем подругой, поэтому она нашла в

себе силы чиркнуть мне эти несколько строк, прежде чем залезть в теплую ванну в компании с бутылкой вина и скальпелем (где только достала?!). Она не хотела больше жить. И убила себя.

Я уткнулась лицом в подушку, обтянутую казенной белой наволочкой, чтобы заглушить невольно вырывающиеся рыдания. Надо как-то брать себя в руки! Я несколько раз глубоко вздохнула, потом легла на спину и подняла лицо, загоняя слезы обратно. Вытерлась полотенцем из того же комплекта, твердым и в то же время неожиданно приятным для кожи, потом собрала свои волосы, светлой волной рассыпавшиеся по плечам, и глянула на часы. Начало одиннадцатого, скоро погасят свет. Я кое-как отдышалась, спустила ноги и легко спрыгнула с полки. Обула старые шлепанцы, которые прихватила с собой в дорогу, и прошла в начало вагона. Попросила у проводницы чая с лимоном, и пока она его готовила, от нечего делать принялась осматриваться. Странно, плацкартный вагон, в котором я ехала, был вполне современный – новый, очень чистый, не изгаженный, даже удивительно. И розетки в нем были, телефон там подзарядить или еще что, и санузел вполне приличный... А титан стоял старый, как это так?

Я пристроилась напротив тетушек, которые теперь показывали друг другу какие-то хитрости вязания крючком. При этом обе ворчали, что в вагоне темно и петель не разобрать, хотя крючочки у обеих были тонюсенькие, такими только

кружево вязать, я бы и при ярком свете с таким бы не справи-
лась, наверное. Я стала маленькими глотками пить чай. На-
до успокаиваться. Надо брать себя в руки. Завтра предстоит
нелегкий день.

Я уставилась в мокрое темное стекло, за которым ни чер-
та не было видно. Там шел дождь. Он шел, не переставая,
с тех самых пор, как в землю опустили гроб с Викой. И, на-
верное, завтра, когда я приеду, тоже будет идти дождь. Но
это неважно. Дождь не помешает мне.

Я найду Леонида. Я еще не знаю, как именно, но я приду-
маю, как сделать так, чтобы ему было очень больно. И я ему
отомщу. Я ему шею голыми руками сверну!

А потом вернусь в наш маленький тихий город, и выйду
замуж за любимого мужчину. Обязательно выйду. Только бы
он перед свадьбой не придушил меня от полноты чувств...

Королева и мальчики.

– А вы слышали эту жуткую новость? – поинтересова-
лась Ангелина своим томным высоким голосом, как обычно,
слегка растягивая слова. Она всегда говорила очень тихо и
как-то так, словно собиралась вот прямо тут лечь и помереть
на месте. – Про мальчика, который из окна прыгнул?

– Слышала, конечно, – ответила я, аккуратно нанося по-
крытие на ее крепкие ногти. Маникюр Ангелина призна-
вала исключительно французский, и лак только телесного

цвета. Обработать ей ногти было все равно, что в сотый раз смотреть до боли знакомое кино – скучно, и кажется, что можешь все сделать даже с закрытыми глазами. – Мне дочка рассказала. Ведь это у них в школе произошло.

– Да-да-да, – печально подхватила она, и добавила с неожиданной горечью: – Ах, это все так ужасно!

В ее голосе, вопреки обыкновению, было столько экспрессии, что я невольно отложила кисточку в сторону и с удивлением посмотрела на нее.

– Вы так близко к сердцу все это принимаете? – осторожно спросила я.

– Да, а как же иначе! – Ангелина пожала полными плечами. – Все-таки это же просто кошмарно, когда такой вот молоденький мальчик вдруг ни с того ни с сего берет и прыгает с третьего этажа! Да еще и головой вниз, что за дикость? Какой жестокий способ самоубийства! – Ангелина снова пожала плечами и возвела глаза к потолку. – Просто жестокий! Разве можно так расставаться с жизнью?

Да уж, с ехидцей подумала я, если бы она вдруг надумала сводить счеты с жизнью, то выбрала бы что-то более... приятное. Гм... Мне кажется, снотворное ей бы очень подошло. А вообще, Ангелина, несмотря на выражение вечной великомученицы, не сходящее с ее лица, себя очень любит. Такие, как она, в принципе не способны сотворить с собой хоть что-то членовредительское, не говоря уже о том, чтобы с жизнью счеты сводить.

Я снова взяла кисточку и принялась за работу. Ангелина... Трогательная, нежная женщина, с манерами умирающего лебедя и жизнерадостностью ослика Иа. Тем не менее, если не обращать внимания на эту шелуху, то она была очень даже милой и доброй женщиной, склонной к переживаниям, но при необходимости всегда готовая помочь. Ее лицо, от природы не слишком интересное, всегда тщательно подкрашено, мелированные волосы чаще всего убраны в хвост. Свою довольно полную фигуру она предпочитает драпировать в стильные платья сложного кроя, вкус у нее определенно есть, так что модели она выбирает себе всегда интересные, благо, финансы позволяют.

Если Марго напоминала мне диамант, то Ангелина была для меня садовой лилией. Интересной, нежной, ароматной, и совершенно не способной существовать без постороннего ухода. Как и цветок, с которым я ее сравнивала, не мог жить без тепличных условий, так и она не в силах была чувствовать себя спокойно без чужой опеки и заботы.

Тем не менее, муж бросил ее пару лет назад. И как решился только? Не побоялся, что без него она загнетса? Однако факт есть факт, он оставил свою жену с сыном, довольно большим уже мальчиком, а сам усвистал куда-то под чужое крылышко. С тех пор в ее глазах, и без того нечасто сиявших улыбкой, поселилась не проходящая грусть, а смыслом жизни стал, понятное дело, единственный ребенок. Я конечно не в курсе всех ее дел, но, насколько мне известно, найти

другого мужчину она до сих пор не решилась.

– Вы знаете, – она чуть наклонилась ко мне, непроизвольно понижая голос и обдавая меня волной нежного, горьковато-свежего аромата туалетной воды дорогой марки, – говорят, мальчик-то с собой покончил из-за несчастной любви.

– Да, что-то слышала, – согласилась я, невольно втягиваясь в это банальное бабское сплетничанье. А что, все мы люди... – Точнее, дочка мне рассказывала. Вроде бы как была там какая-то страстная любовь. Девочка там какая-то замешана, и она теперь ревет не переставая...

– Ой нет, все не совсем так! – Ангелина махнула свободной рукой, держа пальцы в растопырку. – Девочка там замешана, это да. Но прыгал он вроде как не из-за нее.

– Вот как? – удивилась я. Прикинула, не предложить ли ей в этот раз поменять хотя бы оттенок, но воздержалась. – Честно говоря, мне дочка рассказывала что-то, да я не очень слушала...

– А может быть?... – Ангелина запнулась, но любопытство пересилило, и она все-таки попросила: – Вы не будете против, если мы вашу дочурку попросим еще раз рассказать?

Первым моим порывом было – отказать. Еще не хватало с ребенком такие темы обсуждать! Но потом я спохватилась – ведь дочка пыталась мне это рассказать, а я особо не стала слушать, а зря! Дело-то нешуточное, и мне лучше выяснить и что она знает об этом, и что думает, и вообще, насколько близко принимает все это к сердцу. Я подумала, что моя

кровиночка от такого внимания придет в восторг, и позвала:

– Юля! Юль, подойди сюда на минутку!

Дочка появилась на пороге пару секунд спустя.

– Что, мам? – в руке у нее был зажат телефон, коса, по обыкновению, вся растрепана, надо не забыть ей сказать потом, чтобы причесалась.

– Солнышко, расскажи нам с тетей Анжелиной, пожалуйста, что ты знаешь про того мальчика, который у вас в школе с собой покончил.

На лице моей дочери отразилось сначала удивление, а потом радость и гордость, что ее позвали, и что просят рассказать эту потрясающую историю, от которой до сих пор гудит вся школа. Она коротко пискнула в трубку:

– Я перезвоню! – и решительно нажала «отбой». Сунула телефон в карман домашнего платья, всем своим видом изображая готовность немедленно поделиться с нами всеми этими потрясающими новостями.

Юля деловито подтащила стул, и присела сбоку к моему рабочему столу, аккуратно водрузив локти на самый краешек. Пробежалась взглядом по коробке с разноцветными блестками, сложила руки как на уроке и, придав лицу максимально серьезное выражение, поинтересовалась, подражая взрослым:

– А что именно вас интересует? – после чего окинула по очереди меня и Анжелину внимательными взглядами.

«Артистка!» – усмехнувшись, подумала я. Вон, какая до-

вольная, что ее позвали! Судя по снисходительной улыбке Ангелины, ее манеры моей дочери тоже позабавили.

– Юлия, – обратилась она к девочке, выдерживая внушительный, серьезный тон. Знала отлично, что такой подход льстит детям гораздо больше, чем всякие дурацкие сюсюканья и причитания, – говорят, что этот мальчик покончил с собой из-за несчастной любви. И что, якобы, есть девочка, которая теперь плачет и не может себе этого простить. Но еще говорят, что, кажется, с собой он покончил вовсе не из-за нее...

– Да! – живо подтвердила дочка, мигом забыв о том, что нужно казаться взрослой и рассудительной – тема была слишком уж интересной! – Да, есть одна девочка, Света, он с ней встречался! А прыгнул не из-за нее! Она теперь плачет! А из-за кого прыгнул, никто ничего не знает!

– Юль, не части! – поморщилась я. – Давай спокойно и по порядку! Этот мальчик... как его звали?

– Антон!

– Да, так вот, этот Антон встречался с девушкой по имени Света, так?

– Так! – подтвердила Юля, вертясь на месте. От внушительной серьезности не осталось и следа.

– Хорошо, понятно. Но потом, наверное, что-то у них случилось? Они что, перестали встречаться?

– Я точно не знаю, – честно призналась она. Руки непроизвольно вцепились в косу, и дочка принялась автоматиче-

ски теревить ее. Никак не могу избавить ее от этой привычки – чуть задумается и руки тут же в волосы лезут, поэтому коса моего ребенка чаще всего напоминает гнездо, – но вроде бы они поругались. Вроде бы он, Антон, узнал, что она с кем-то еще встречается. И поругался с ней.

– Так, – подбодрила ее Ангелина, глядя на мою дочь внимательно и серьезно. Как мне показалось – даже слишком серьезно.

– А на самом деле она ни с кем не встречалась больше! Просто хотела проверить, как он к ней относится! Хотела, чтобы он поревновал немного!

– Вот дуручка-то! – фыркнули мы с Ангелиной почти синхронно.

– Почему? – тут же заинтересовалась Юлька, сбиваясь со своего повествования.

– Потому, моя дорогая, что заставлять мужчину ревновать – это просто огромная глупость! – ответила Ангелина со вздохом.

– Почему? – снова не поняла она. – Ведь если он ревнует – значит любит? А если ему все равно, то нет! И еще, он увидит, что кто-то еще его девушкой интересуется, и сам крепче любить будет! – горячо запротестовала она. Видимо, наслушалась уже где-то чужого «авторитетного» мнения! И, конечно же, приняла его за чистую монету!

– Юля, во-первых, заставлять человека ревновать, чтобы убедиться в его чувствах – это просто подло, – я решила,

что раз дочка так заинтересовалась этим, то лучше самой все объяснить, со своей, взрослой точки зрения, а то наслушается мнений таких вот глупеньких девушек, вроде этой Светы... – Когда человек ревнует – ему плохо. С любимыми людьми так не поступают! Во-вторых, для того, чтобы понять, как к тебе относятся, не надо идти на всякие такие ухищрения. Достаточно просто сесть и как следует подумать. Человека всегда характеризуют его дела, запомни это! Если человек любит это всегда понятно по его поступкам. Ну и в-третьих, крепче любить он будет не от того, что его будут дразнить и заставлять думать невесть что!

– А от чего?

– А от отношения! Если ты будешь своего мужчину уважать, заботиться о нем, показывать ему свою любовь, то и он будет отвечать тебе тем же, – я подумала, что через-чур увлеклась, объясняя ей все это. Во-первых, все-таки пока рановато. А во-вторых... Ведь теперь же не отстанет!

– А какие поступки он должен делать? – тут же практически поинтересовалась она, подтверждая мои подозрения.

– Юльчик, давай я тебе потом это объясню, хорошо? Это долгий разговор.

– Хорошо, – покорно согласилась дочка, и я окончательно поняла – влипла. Теперь мне придется не один час потратить, стараясь объяснить тонкости взаимоотношений между женщиной и женщиной так, чтобы это было понятно одиннадцатилетней девочке. Хотя... Может это и к лучшему. В

любом случае будет правильнее, если такие вещи я расскажу ей сама, а не подружки, которые сами в этом ни бум-бум! А то вон уже, первые плоды народной мудрости...

– Твоя мама правильно говорит, – поддакнула мне Ангелина. – Чтобы мужчина тебя любил – надо его уважать, и давать ему это понять. А не выпендриваться!

Она сказала это с такой грустью, что сразу стало понятно – это она о себе сейчас говорит. Похоже, она до сих пор переживает из-за своего развода, и, кажется, винит в нем она себя. Дочка наверняка обязательно захотела бы уточнить, как именно не надо выпендриваться, но я быстро сказала:

– Так, давай дальше! Значит, эта Света сделала так, что он подумал, что у нее кто-то есть, и из-за этого они поругались, да?

– Да, мам! – Юлька с легкостью переключилась на прежнюю интересную тему. Снова по привычке вцепилась в косу, и без того похожую на метелку. – Катя говорила, что слышала, как он накричал на нее, чтобы она теперь к нему не подходила. И она сначала обиделась на него, что он такой грубый, – Ангелина молча вскинула брови и переглянулась со мной, давая понять, что девочка и в самом деле вела себя как полная дурочка, – а потом она все-таки решила с ним помириться. Через неделю где-то. Она думала, что он к ней на коленях прибежит, а он все не шел. И она решила сама с ним помириться.

Юля все-таки не удержалась, и принялась осторожно ше-

велить пальцами баночки с блестками – уж больно красиво они выглядели, так и притягивали взгляд.

– Короче, Света пришла к нему поговорить, а Антон ее выгнал. Сказал, что раз она себе кого-то нашла, то он тоже нашел. И что она ему больше не нужна. И еще сказал, что теперь у него настоящая королева, а не такая соплячка, как она. И она рассердилась на него, и плакала, что он так сказал. Света же у нас самая красивая в старших классах! – Юля недоуменно пожала плечами. Ей тоже было непонятно, на кого можно было променять такую красотку!

– Королеву? – как-то нервно переспросила Ангелина.

– Да, королеву! – подтвердила дочка. – Говорят, он ее так и называл – моя королева. Говорят, что он, когда с ней встретиться начал, такой стал... ну, гордый слишком. Даже на друзей своих перестал внимание обращать, они обижались на него. И он целую неделю ходил такой... или две... А потом пришел в школу вообще как убитый. Ни с кем не разговаривал, все думали, у него случилось что-то! А на другой день он с окна прыгнул!

– Из окна выпрыгнул, Юль, – снова автоматически поправила я.

– А, ну да! – спохватилась она. – Выпрыгнул из окна. Вот и все.

– М-да... – задумчиво протянула Ангелина, рассеянно проводя по волосам свободной рукой. – Очень интересно. Скажи мне, Юля, а ты случайно не знаешь, кто такая эта ко-

ролева?

– Не-а, – ответила Юля, осторожно вынимая баночку с желтыми блестками, – никто не знает. Он даже друзьям своим, Паше и Вовке не сказал про нее ничего. И Света не знает. Только плачет теперь все время и говорит, что она дура.

– Ну, это-то точно, – пробурчала я себе под нос, отобрала у Юли блестки, аккуратно положила обратно.

– И что, совсем-совсем никто ничего про нее не слышал? – продолжала допытываться Ангелина.

– Не-а. У нас всей школе интересно, кто она такая. Только про нее совсем ничего не говорят. Никто ничего не знает, только то, что она крутая очень была, как будто Света по сравнению с ней как антоновка рядом с айдаредом. Знают только, что она была и все...

Гм... весьма необычное сравнение. Интересно, это кто же из мамаш так отличился? Понятно же, что дети сами такое не придумают...

Юля снова принялась вертеться на своем месте. Все, что было интересного, она уже рассказала, и ей становилось скучно. Тут, на удивление вовремя, запиликал ее телефон.

– Юль, ты иди к себе, – велела я, целуя дочку в макушку. – Причесаться не забудь!

– Ага, хорошо, – она соскочила со стула, и понеслась в свою комнату, на ходу ворча в телефон:

– Ну и что? Я же сказала, что перезвоню! Тебе что, пять минут не подождать уже?

– Грустная история, – пробормотала я. Ангелина, задумчиво смотревшая в стену, словно очнулась.

– Что? Да, вы правы, Лида, история просто ужасная! – я снова невольно удивилась, как близко к сердцу она все это принимает. – Как бы еще узнать, кто такая эта королева?

– Вы так переживаете из-за этого? – поинтересовалась я.

– Ах, Лида, вы далеко не все знаете! – она передернула полными плечами, осторожно поправила прядку свободной рукой. – Вот вы слышали, например, что месяца три назад в соседнем районе была очень похожая история?

– Вот как? – удивилась я. – Правда? Что, там тоже мальчик из окна выпрыгнул?

– Нет, там мальчик повесился в своей комнате! – воскликнула она громко. Осеклась, прикрыла рот ладошкой, косясь на дверь комнаты дочери. Потом добавила тихо: – Мать его пришла будить утром. А он... висит...

Она потерла лицо, тяжело вздохнула, словно воочию увидела ту страшную картину.

– Но дело-то даже не в этом, – глухо продолжала она. – Дело-то в том, что он оставил предсмертную записку!

– И какую же? – я подалась к ней, на время забыв о маникюре, заинтригованная ее интонацией.

– «Иду к тебе, моя Королева!» – мрачно продекламировала Ангелина, и посмотрела на меня глазами, полными ужаса.

– Ого! Ничего себе!

– Вот именно! – воскликнула она. – Очень похоже, прав-

да?

– Да, это странно, – задумавшись, согласилась я. – Это и в самом деле очень похоже! Да, хорошо бы узнать, неужели это одна и та же «королева»?

– Я в этом больше, чем уверена! – возбужденно воскликнула она. – И, знаете, Лида, я убеждена, что это именно она доводит их до такого!...

Последние слова были произнесены с такой горечью, и даже страхом, что я невольно снова посмотрела на нее. У Ангелины было странное, очень печальное, я бы сказала, скорбное лицо. Я погладила ее по руке, стараясь подбодрить.

– Зачем вы так переживаете? – я постаралась, чтобы мой голос звучал как можно мягче. – Разве можно так себе нервы трепать? Мальчиков, конечно, очень жалко...

– Лидочка, милая, вы не понимаете! – Ангелина сморщилась от какой-то внутренней то ли боли, то ли тревоги. – Ведь у меня же сын!

– Да, я знаю, Кирилл, – ответила я, слегка обескураженно.

Сына ее я видела пару раз, он заходил за Ангелиной. Нормальный такой парень, скромный, я бы сказала даже – робкий. Когда ждал маму, то отказался даже пройти в квартиру, так и стоял в прихожей, пока я заканчивала свою работу. Он показался мне очень симпатичным. Конечно сейчас, когда ему пятнадцать или шестнадцать, он еще не расцвел, пока еще нескладеныш, но по нему отчетливо было видно, что когда он войдет в силу и заматерее, женщины его точно лю-

бить будут. У него были мамины выразительные глаза и слегка пухлые губы, и даже очаровательная родинка под нижней губой, по которой потом будут сохнуть девушки. Вымахал он уже сейчас на полголовы выше матери, и плечи были что надо, так что когда на них мясо нарастет, шикарная будет фигура...

– Ну да, конечно вы его знаете! Так вот, дело в том... – Ангелина совсем разволновалась. Я отложила инструменты и стала внимательно ее слушать, – дело в том, что последнюю неделю мой мальчик ходит сам не свой! Вы же знаете, он у меня всегда был такой тихий, такой воспитанный!

Да, насколько я могла судить это точно, темпераментом он тоже пошел в маму.

– А тут... Его словно подменили. Он стал какой-то весь дерганый. Сначала такой довольный ходил, прямо светился весь. Потом пару дней вообще чернее тучи был. Я пыталась его расспрашивать, что и как, так он накричал на меня, – у нее на глазах проступили слезы, но она вроде даже не обратила на них внимания. – Потом опять стал ходить счастливый, но какой-то такой... знаете, сам не свой... Вот такая чехарда... – она беспомощно развела руками.

– Ангелина, вы постарайтесь все же так не волноваться, – мягко сказала я, осторожно подбирая слова. – Все-таки это же вполне естественно, у него возраст такой... переходный период...

– Да это я понимаю! – она грустно и досадливо махнула

рукой. – Вы думаете, я дура, да? Паникерша? Если бы в этом деле было бы, разве стала бы я переживать? Но дело-то совсем в другом!

– И в чем же? – поинтересовалась я.

– Лидия, у него кто-то появился! Женщина!

– Вы хотели сказать, девушка? – осторожно поправила я.

– Нет, Лидия, я уверена, что это не девушка! – она устало потерла лицо. – Но самое страшное не это!

– А что же?

– Самое страшное то, Лидочка... знаете, как он ее называет? Я слушала как-то... случайно... Он по телефону говорил, думал, я в кухне и не услышу... так вот, он ее зовет «Моя Королева»!!!

Барон и красавица.

Вопреки ожиданиям, когда состав мягко ткнулся головой в бетонное нутро вокзала, дождь уже не шел. Небо было серое, низкое, но дождя не было.

Я натянула куртку поверх толстовки, закинула на плечо ремень легкой спортивной сумки – вещей у меня было совсем немного – и вежливо попрощалась с попутчицами. Они обе быстро кивнули мне и вернулись к прерванному разговору – времени в пути им оказалось слишком мало.

Я шагнула на перрон и замерла на пару минут, вдыхая сырой воздух. Тут был совсем другой запах, и я подумала,

что это и есть запах большого города. Пахло чем-то техническим, маслами или бензином, какой-то жареной едой из близстоящих ларьков, сигаретным дымом, духами, и, конечно же, дождем. Воздух был густым, насыщенным, тяжелым, в нем совершенно не чувствовалось присутствия кислорода, как будто тут воздух имел другой принципиально другой молекулярный состав.

От поезда к зданию вокзала, огромному, по сравнению с тем домиком, который считается вокзалом у нас дома, лавиной текла толпа прибывших и встречающих. Кто-то радостно обнимался, мешая проходящим мимо и напрочь игнорируя недовольные возгласы. Кто-то кричал в трубку: «Да, я уже тут! Скоро буду!», кто-то задумчиво смолил сигаретку, спрятавшись от людского потока за колонну.

Я тоже вытащила пачку тонких ароматизированных сигарет и прикурила, пристроившись рядом с каким-то мужчиной, отрешенно глядящим поверх толпы. Но постоять вот так же, задумчиво и спокойно, у меня не получилось. Меня что-то словно толкало изнутри, требовало действий. У меня уже имелся план на первое время, и для начала мне требовалось отыскать вокзальный сортир. Я аккуратно затушила бычок о край урны и через секунду слилась с толпой. С толпой я, как одна из многих, добралась до здания вокзала, протолкалась в его двери и прошмыгнула в створку металлоискателя под равнодушными взглядами охранников.

Местный туалет меня порадовал. Тетенька-билетерша,

принимавшая плату в обмен на неприлично маленькие кусочки туалетной бумаги, на меня даже не взглянула, да и остальных посетительниц я совсем не интересовала. Запершись в кабинке, я с удивлением осмотрелась. Почему-то я была уверена, что туалет в таком большом, внушительном вокзале, тоже должен быть вполне современным. Однако, это была обычная дамская комната, с дверями из ДСП, запирающимися на хлипкие замочки, не слишком чистыми «удобствами», и витающим над всем этим крепким запахом дезинфектанта.

Покачав головой от изумления, я осторожно пристроила сумку на ручку, за неимением крючка или хотя бы гвоздика, и вытащила из нее расческу и резинку. Причесалась и скрутила волосы в тугой пучок, который убрала под сетку. Потом вынула из сумки черный парик, и пристроила его на голову. Поправила, чтобы сел получше, разметала пальцами челку, непривычно упавшую на лоб.

На миг сердце защемило – от парика еще пахло ее, Виккиными духами.

Это была наша фишка, наше маленькое хулиганство – когда становилось скучно, мы с ней одевали парики, менялись вещами, делали непривычный для себя макияж, и отправлялись гулять в соседний городок, который был побольше и поинтереснее, чем тот, в котором мы жили. Иногда мы изображали туристок, придумывали целые истории о том, как и зачем приехали в это тихое место. Мы познакомились с парня-

ми, сидели с ними в кафе, обменивались липовыми телефонами, а потом исчезали навсегда – такое было у нас правило. Если мальчик сильно нравился, то можно было попытаться найти его в своем настоящем обличье. Мы много раз проверяли, те же самые люди абсолютно нас не узнавали, когда мы «знакомились» с ними по второму разу. Парики и макияж делали нас и в самом деле непохожими на себя... Вот и теперь я решила воспользоваться этим, пока буду здесь. Чем меньше народу будет знать кто я на самом деле – тем лучше.

Я достала тени, тушь, подводку, разложила все это на сумке и нарисовала яркий, под стать волосам, макияж. Лицо преобразилось, даже взгляд стал каким-то чужим. Раньше, когда мы переодевались, я знала, что там внутри, под всей этой краской, все равно я. А сейчас на меня из зеркальца смотрел кто-то другой. Кто-то ожесточившийся, безжалостный. Станным образом это мне шло. Точнее той, кем я стала на время – шло, вот эта вот червоточинка, стервинка, этот вызов, которого не было раньше. Я подмигнула себе незнакомыми глазами – все будет хорошо, Настя! Потом осторожно, стараясь не касаться стен туалета, сняла куртку и вывернула ее на другую сторону, лимонно-желтого цвета. Обычно я носила ее коричневой стороной вверх и вообще, мало кто знал, что она у меня двусторонняя. Через несколько минут из кабинки вышла совершенно другая девчонка – темно-лосая, с выразительными стрелками и подведенными губами, в яркой одежде. Никто так и не обратил на меня внима-

ния. Я на секунду задержалась у большого зеркала на стене, глянула, ровно ли сел парик, снова откинула с глаз непривычную челку и легко зашагала в город.

Он встретил меня сыростью, запахом шавермы и неожиданным теплом – там, откуда я приехала, было холоднее на несколько градусов. Я шла по проспекту и думала о том, что вот и оказалась тут, в этом городе, в который я так и не собралась в гости за тот год, что здесь прожила Вика. В городе, который безжалостно отобрал ее у меня.

Я думала, что почувствую что-то. Что-то вроде ненависти к этому огромному спруту, раскинувшемуся на много километров, вместившему в себя столько людей, что они стали равнодушными друг к другу, но я с удивлением поняла, что мне тут нравится. Я не знаю, как это еще описать, но я сразу ощутила словно биение сердца большого города, как будто это был не город, а кит какой-то. И то, что никто не обращает на тебя внимания, мне вдруг тоже пришлось по душе. Идешь себе спокойно своей дорогой, и никого не волнует, куда и зачем. А это как раз то, что мне нужно – остаться незаметной до поры до времени.

Я шла по улицам легкой походкой, и на душе у меня тоже было легко. Проснувшись под утро, я неожиданно поняла, как буду действовать! Ведь мне надо остаться с ним наедине? Что же может быть проще для девушки, когда речь идет о бабнике? Конечно же, мне надо познакомиться с ним, построить ему глазки. Изобразить влюбленную наивную ду-

рочку, которая только и мечтает о том, как бы оседлать его пенис! С внешностью у меня полный порядок, есть чем гордиться и на лице и по фигуре, на этот счет мне волноваться нечего – уж найду подход к кобелю. И тогда, я больше чем уверена, он сам сделает так, чтобы остаться со мной один на один. Он сам позаботится о том, чтобы никто нас не побеспокоил.

Вот тогда, когда он предстанет передо мной расслабленный, довольный, я приведу свой приговор в исполнение! Я сделаю то, о чем мечтала все последнее время – я буду его бить. Я буду бить его до тех пор, пока он не превратится в бесформенный кулек, набитый костями!!!

Конечно, он мужчина, и он сильнее меня, но это меня несколько не пугало. Во-первых, он же не будет ожидать ничего такого, так что на моей стороне фактор внезапности. А во-вторых, у человека в состоянии аффекта силы удесятерятся. А у меня при одной мысли о Калинном наступало это самое состояние!

Поймав в витрине свое отражение, я остановилась, чтобы перевести дух. Даже равнодушию большого города есть предел! И если я буду бегать с таким зверским выражением лица, на меня и в самом деле начнут обращать внимание! Мысли о мести снова спровоцировали выброс адреналина, мне захотелось действовать сейчас же. Я готова была прямо в этот момент осуществить свой жестокий план, если бы только этот подлец появился передо мной! Но мне еще предсто-

яло его разыскать...

Поэтому я снова натянула на лицо маску отчужденной задумчивости и бодро зашагала к виднеющемуся впереди кафе с бесплатным вай-фаем.

В том, что я смогу одолеть его, я даже не сомневалась. У меня всегда была, что называется, тяжелая рука, хотя на первый взгляд я всем казалась такой паинькой. Кроме того, я уже успела не раз и не два полюбоваться на Калинного, и, откровенно говоря, в физическом плане он меня совсем не впечатлил...

Поисковик, на ставшую уже привычной комбинацию имени и фамилии в запросе, выбросил ворох ссылок. Статьи, фотографии, парочка видео, сайт его дизайнерской фирмы... С окошка телефона смотреть было не слишком удобно, но меня это мало волновало – все это я успела изучить вдоль и поперек.

Его фирма специализировалась на интерьерах жилых помещений. Лично мне представленные в рекламе образцы показались излишне вычурными, какими-то заумными, когда ради того, чтобы выпендриться придумывают невесть что и забывают об элементарном уюте, а порой и здравом смысле.

Я открыла сайт его фирмы. Леонидовская самодовольная рожа гордо отсвечивала в разделе «Персоналии». Я принялась рассматривать его, рассматривать очень внимательно, в который раз пытаюсь понять, чем он так зацепил Вику, что в нем есть такого, что она так потеряла голову.

Честно скажу, его фотографии меня всегда разочаровывали. Вот и с этого снимка смотрел самодовольный пухлощекий шатен, с зачесанными назад длинными волнистыми волосами. Высокий лоб явно намекал, что осталось всего несколько лет, и он плавно перетечет в лысину. Калинный лениво улыбался на камеру приветливой, но какой-то слишком уж самодовольной улыбкой, прищуренные серые глаза так и спрашивали: «Ну, разве я не милашка?».

Одет в простую белую рубашку, сидит в каком-то, видимо, кресле, сзади – абстрактная драпировка. А больше по фотографии ничего и не понятно. Когда я в первый раз увидела это фото, то испытала удивление пополам с разочарованием.

Вика так отзывалась о нем, так его боготворила, я ожидала, что вот сейчас увижу красавца с обложки, а увидела... Плюшевого мишутку, глядя на которого так и хотелось поинтересоваться – ну, и где тут спрятался тестостерон??

Может быть, поэтому моя подруга так настаивала, чтобы я не проявляла любопытство, не пыталась сама найти в сети ее обожаемого Леню? Так настаивала, что лучше, если мы познакомимся при личной встрече? Или потому, что весь интернет прямо-таки кричал о том, что Л.Калинный, несмотря на свою неприятную внешность, на самом деле очень любит женщин, а в женщинах он больше всего любит разнообразие...

Конечно, как бы Вика ни просила, а любопытство переси-

лило, и я нашла его в интернете. А когда нашла, то ничего кроме удивления не испытала. Это – он? Господи, Вика, да в себе ли ты? Где тот красавец, о котором ты прожужжала мне все уши? И зачем, сестренка, тебе нужен этот человек, о котором в каждой статье говорится, что на встречу он пришел «со своей новой спутницей»?

Когда же я прочитала, что ему уже тридцать пять... Поначалу я просто залипла. Калинный был старше Вики почти на пятнадцать лет! У нее что, совсем крыша поехала?

Естественно, с ней я своим удивлением делиться не стала, а уж тем более своими опасениями. Я побоялась тогда, что критика в его адрес, или, что еще хуже, намеки на его кобельную сущность, разозлят ее, и мы поссоримся. Да и зачем, я же была уверена, что вот-вот приеду наконец-таки к ней в гости, что она познакомит меня со своим без пяти минут женихом, и, может быть, в жизни он окажется совсем другим, не таким... сомнительным, как на нескольких фотографиях, выложенных в сети? В конце концов, не всех же камера любит... А все эти слухи про нескончаемую череду романов могут быть просто каким-то сложным пиар-ходом. А возможно, он просто искал ее, свою единственную и неповторимую, ее, Вику? Искал, пробовал и ошибался... чересчур часто ошибался... но все-таки нашел ее?

Да и разница в возрасте – может это не так уж и плохо? Может быть это к лучшему, что она нашла себе взрослого мужчину, который уже напрыгался и теперь мечтает насла-

даться спокойной семейной жизнью?

Я с досадой закрыла сайт, списав предварительно адрес его дизайн-агентства. Потом посмотрела по схеме метро, в каких районах мне присматривать жилье, чтобы не очень далеко было мотаться, после чего полезла на сайты агентств по недвижимости. Искать частные объявления я не рискнула, не хватало еще на кидалово нарваться. Через агентство дорого, конечно, но все же как-то надежней.

Тем более, что деньги у меня были. Не сказать, чтоб сильно много, но были. Они мне достались от Вики. Она делала переводы по чуть-чуть, но почти каждый месяц, просила меня, чтобы я хранила их у себя, поработала для нее сберегательной книжкой. Вика умерла, а деньги остались. И я сразу решила, что потрачу их только на то, чтобы наказать человека, который отобрал ее у меня, который виноват в ее смерти.

Еще через пару часов мне торжественно вручили ключи от однушки в спальном районе, снятой мною на месяц. Небольшая добавка сверху, озвученная как «процент за риск», позволила им закрыть глаза на отсутствие у меня документов и «поверить» в сказку о том, что паспорт я привезла, но по рассеянности оставила его в чемодане в камере хранения.

Месяца мне должно хватить. Вообще-то, я рассчитывала, что мне хватит и полутора-двух недель, и дольше задерживаться тут не собиралась.

Квартирка была, что называется «чистенькая, но беднень-

кая», но меня это не беспокоило. Главное, холодильник был исправным, стиралка, хоть и старенькая, имелась, и даже комплектом постельного белья, тоже стареньким, но постиранным и даже отглаженным, меня снабдили.

Заперев дверь за хозяйкой и агентшей, я побрела в пустую чужую кухню, выглянула в окно. За окном расположился тихий двор, весь усыпанный желтой листвой. Поздняя осень, теплая и на удивление ласковая в этом году, только сейчас разродилась ветром и дождями. Листья, которые давно уже должны были опать, продержались лишний месяц, но теперь настал их черед, и все деревья стремительно разоблачались, словно боясь не успеть к переодеванию в зимние снежные меха.

Посреди двора стоял комплекс из новых горок и лазилок, сырых и неприветливых сейчас, никто по ним не катался и не лазил. В доме напротив двери были нараспашку, там таскали мебель – кто-то переехал – вот и все движение.

Я несколько минут понаблюдала, как затаскивают в подъезд большой громоздкий диван, посочувствовала парням, которым придется переть его на себе – тот дом, так же как и этот, был хрущевкой, и лифтов там не предусматривалось. А потом направилась в примеченный мной по пути сюда магазинчик. Есть хотелось зверски, ведь я как утром вышла с поезда, так ничего не ела, если не считать чашки кофе в кафе, а сейчас уже спускались сумерки.

Я готовила себе ужин, и все думала, представляла себе,

как это будет, когда я доберусь до него, до Леонида. Наевшись яичницы с колбасой, я откупорила бутылку пива и направилась с ней в душ. Как же это хорошо – после поезда вдоволь наплескаться под горячими струями!

Я мылась, пила холодное пиво, и размышляла о том, как же так получилось, что Вика повелась на такого невразумительного типчика? Неужели ее настолько достало одиночество? Неужели ее поработила эта бабская мечта – выйти замуж?

Мы с Викторией были знакомы с детства. Жили в одном дворе, ходили в один садик, потом в одну школу. И сколько я себя помню, мы с ней всегда дружили, всегда были неразлей-вода.

Вике повезло в жизни куда меньше, чем мне. Ее родители рано умерли, ей не было и пяти. Отец утонул на рыбалке, а мать не выдержала горя – сердце подвело. Вика осталась на руках бабки с дедом, но и тут ее словно преследовал злой рок. Дед, схоронивший дочку, начал пить по-черному, и спустя два года, что называется – допился. Возвращался домой ночью пьяный, оступился практически на ровном месте и свернул себе шею. С маленькой Викторией осталась лишь бабка. Высохшая от горя и потерь, она оказалась крепче всех. Наплевав на свои хвори и болячки, на свое собственное горе, на упрямо растила внучку, не давая себе раскисать, пока не поставит девочку на ноги.

Вика любила бабушку. Вика была ей благодарна. Вика отлично понимала, что обязана ей всем. Но Вике этого было

так мало! В школе у всех были мамы и папы, близкая и дальняя родня. А у Вики – только бабка. С ней ведь не поговоришь, как с мамой, и не подумрачишься, как с папой. Да и замученной, на работе и постоянных халтурах женщине не до веселья было и не до разговоров. У нее была цель – поднять внучку, и она перла к этой цели как бронетранспортер. Обеспечение материального благополучия отнимало силы, и на духовное общение их оставалось не так уж и много.

Когда Вике стукнуло пятнадцать, стало понятно, что и бабушку настигает злой рок, преследующий семейство – она стала болеть часто и тяжело. Она все чаще стала говорить, что вот ей бы только до восемнадцатилетия Викусино до-тянуть, что ее уже ждут там, на небесах, что покойный муженек уже не раз намекал ей во сне, как соскучился по своей Женечке.

Вика горько плакала у меня на плече – угасал последний родной ей человек. Через три месяца после того, как ей исполнилось восемнадцать, бабушки не стало.

Мы с Викой всегда были вместе. Я очень ее любила, и она меня тоже, все детство, всю юность мы провели с ней бок о бок. Мы называли друг друга сестренками, да и окружающие часто принимали нас за сестер, даже внешне мы с ней чем-то были похожи.

Вика столько раз говорила мне, что если бы меня не было в ее жизни – она бы точно сошла с ума. Мы часто мечтали, как вырастем, как станем взрослыми и самостоятельными.

И как уедем отсюда, из нашего маленького тихого городка... Мы уедем в большой шумный город, где так много всего! Так много денег, так много мужчин, так много возможностей! В этом большом городе мы устроимся на охрененную работу, а потом встретим потрясающих мужиков. Они будут просто классные, возможно даже, что олигархи, хоть это и необязательно. Мы будем ходить на двойные свидания, и свадьбу сыграем в один и тот же день. И наши детки тоже будут ходить в один детский садик, а мы с Викой так и будем дружить до самой пенсии или еще дольше...

Я подставила лицо под горячие струи, смывая слезы. Их так много вытекло за последнее время из моих глаз, что они стали совсем несоленые, как простая вода. Я сделала еще пару щедрых глотков холодного пива, колючками щипавшего горло, и решительно завернула кран.

Мы не просто мечтали, мы были твердо убеждены, что так все и произойдет. Пока в моей жизни не появился Иван.

Вика поняла все сразу. Я еще только начинала с ним встречаться, присматривалась к нему, Ваня еще только пару раз пригласил меня в кафе – а Вика уже знала – он украдет меня у нее. Знала, и все равно, радовалась за меня, желала мне счастья...

Я сказала ей о том, что Ваня сделал мне предложение со смешанным чувством огромной радости и острой вины. Мы обе с ней понимали, что это значит – ни в какой большой город мы уже никогда не поедem...

Вика обняла меня тогда сильно-сильно и сказала:

– Что ты ревешь, дурочка? Ведь главное, о чем мы мечтали – это счастье. Раз твоё счастье здесь, то и ехать никуда не надо! А своё ещё найду, вот увидишь!

Она уехала через неделю после того разговора. Я провожала её на вокзал и чувствовала себя предательницей. Вика успокаивала меня и говорила, что всё правильно, чтобы я не переживала. Я видела в её глазах отражение своих слез, когда махала ей на прощание рукой сквозь пыльное вагонное окно. Я не знала тогда, что вижу её живой в последний раз.

Мы все время переписывались в соцсетях, созванивались по скайпу, общались, стараясь сохранить, и в коем случае не растерять нашу дружбу. Однажды Вика позвонила мне довольно поздно, невероятно счастливая. Кажется, в тот день она была несколько навеселе. Тогда она в первый раз отправилась на свидание с Леонидом.

– Настя, если бы ты знала, какой он! – её голос звенел от счастья. Я в первый раз видела свою Вику такой ошалевшей, такой потерявшей голову. – Настя, я, кажется, в него влюбилась! Настя, я точно в него влюбилась!

С тех пор мы стали созваниваться реже, ведь теперь ей нужно было строить свои новые отношения. Зато каждый раз, когда я слышала её голос, или читала её сообщения, я радовалась за неё. Радовалась, что все в конечном итоге так чудесно устроилось. Что и она нашла своё счастье, своего героя, и меня потихоньку отпускало мерзкое чувство вины и

предательства. Я наконец-то призналась ей, что мы с Ваней потихоньку готовимся к свадьбе, и она обещала обязательно приехать, и обязательно не одна.

«Мечты сбываются!» – такой статус теперь висел на ее страничке, вызывая у меня неизменную улыбку каждый раз, когда я его читала. Теперь мы строили новые планы – как мы с Ваней выберемся к ней в гости. Надо было лишь немного подождать, чтобы их с Леонидом отношения устаканились, немножко набрали прочность. И хоть все, что было написано о Калинном в интернете, здорово меня смущало, мне очень хотелось верить, что Вика не ошиблась. Я, не видя этого человека ни разу в жизни, заочно уже почти любила его – за то, что делал мою подругу, мою сестренку такой счастливой, за то, что она наконец-то жила с уверенностью, что впереди ждет счастье.

Потом она написала, что кажется он хочет сделать ей предложение: «Настя, как же я рада, что решилась тогда на этот переезд! Тут моя жизнь превратилась в сказку!».

После этого сообщения прошло почти полторы недели, а от Вики не было ни слуху, ни духу. Сначала я подумала, что влюбленные в своем счастье совсем не замечают ход времени. Я скинула ей несколько сообщений, но в ответ не получила ничего. Потом я уже начала волноваться всерьез, собиралась звонить ей, чтобы узнать, куда это она пропала так надолго, но прежде, чем я набрала ее номер, пришло это короткое и страшное сообщение.

Тогда я чуть с ума не сошла, пытаюсь достучаться до нее. Телефон она отключила, в сети не появлялась. Я решила ехать к ней, но выяснилось, что ехать уже никуда не нужно. В тайне от всех, Вика вернулась в наш маленький город, и покончила с собой в квартире, доставшейся ей от бабушки. Перед смертью она послала письмо в полицию, с просьбой убрать ее труп, а на столе оставила небольшие последние распоряжения.

В тот день, когда я узнала об этом, мне показалось, что небо упало на землю. Я винила себя в том, что она поехала в этот чертов большой город, искать там, среди чужих людей свое счастье. Винила себя в том, что молчала и не высказала ей всех тех сомнений, которые роились в моей душе. Винила себя в том, что так и не нашла времени и возможности выбраться к ней и воочию посмотреть, кого же она выбрала.

И еще в тот день во мне зародилась жгучая, яростная ненависть к человеку, который так ее обманул. Который просто играл с ней в любовь, разрешил, позволил ей поверить во все, поверить, что все всерьез, по-настоящему, а потом отшвырнул ее, холодно и цинично. Я поклялась себе, что отошщу. Я знала, что пока не сделаю этого – не смогу жить спокойно. И я знала, что готова на многое, чтобы эту клятву сдержать.

Именно поэтому сейчас я, совсем одна, в чужом, чуждом мне городе, ложусь спать с мыслью о том, что завтра я начну свою игру.

Королева и мальчики.

– Жена моя! Ты зачем сердитая такая? – ласково поинтересовался Илья, заглядывая в кухню. Я представила, как выгляжу со стороны и весело рассмеялась. Я и в самом деле мыла посуду с таким лицом, словно готова была переколошматить все тарелки.

– Через час Марго должна прийти.

Илья тут же скис. С тех пор, как он с ней познакомился во время одного из ее визитов, он утверждал, что на дух ее не переносит. Не могу сказать, чтобы меня это сильно расстраивало. Да что там, его искренние слова о том, то он видеть лишний раз не хочет «эту дуру самовлюбленную», были тем самым бальзамом, который утешал мою душу после каждого ее ухода.

– А, и правда! Черт, я забыл совсем! – он потеснил меня от раковины, и отобрал губку. – Отойди, женщина, дай я помою.

– Спасибо, мой хороший! – с чувством сказала я. – Вот-вот... Скажу ей сегодня, что это последний раз! Сделаю коррекцию, и пусть катится колбаской! – Я решительно стряхнула воду с перчаток, стянула их и бросила на край раковины.

– А-а, так вот почему у тебя такое воинственное выражение лица? – догадался он, и сочувственно поинтересовал-

ся. – Предчувствуешь непростой разговор?

– Предчувствую море грязи и хамства, – мрачно спрогнозировала я. – Хорошо хоть, что в последний раз.

– Ты у меня молодец! – Илья приобнял меня, погладил по спине и нежно поцеловал в лоб. – Давно пора этой гадюке сказать, чтобы не приползала больше! Так что выше нос! Ты все правильно делаешь! А будет ядом плевать – можешь ей по кумполу врезать, я разрешаю!

Правильно-то правильно, но от мысли, как эта «гадюка» будет шипеть и кусаться, у меня резко портилось настроение. Ладно, сделаю коррекцию, а скажу уже в самом конце, когда она выходить будет – решила я.

– Э-э... Лида... – нерешительно замялся мой муж, автоматически натирая губкой одну и ту же тарелку, – а как ты посмотришь на то, если я сейчас кофе с тобой попью и схожу, проветрюсь?

– Ты же вроде никуда не собирался? – удивилась я.

– Не собирался, – кивнул он, – но как подумаю, что тут эта торчать будет... Я лучше к парням в гараж прогуляюсь.

Это вот так деликатно мне Илья намекнул, что вместо того, чтобы торчать дома в обществе любимой жены и «гадюки», он лучше ходит с друзьями пивасика попить!

– Прогуляйся, – разрешила я. – Возвращаться будешь, мне тоже пива принести не забудь!

– Ты что, научилась читать мои мысли? – он повернулся ко мне всем корпусом, выплескивая на пол пену, и изобразил

панический ужас. – Мамочки, я живу с пришельцем!

– Да-а, – подтвердила я, пощелкала на него зубами и добавила: – Сейчас буду пить твой мозг, а потом отправлю твое тело на наш корабль. Мы тебя в нашем межгалактическом музее показывать будем. В формальдегиде.

– Вот ужас-то! – покачал он головой, завернул кран, налил кипяток в кружки, бросил сахар и принялся тщательно размешивать. – Бедный я бедный, один-единственный раз женился, и то на каком-то монстре инопланетном!

– Хе! – подтвердила я, берясь за ручку морозилки. – Не повезло тебе, парень!

– М-да... Ну что ж, видать карма такая... – он философски пожал плечами, – но пивка-то с друзьями попить на прощание отпустишь, пришелец?

– Отпущу, куда деваться, – рассеянно согласилась я, отвлекшись на разглядывание картинки на холодильнике. Юля прилепила на магнетик свой последний шедевр, вот только я не заметила, когда она успела.

– Что, ты еще не видела? – засмеялся Илья, тоже подходя к холодильнику, и доставая мороженое. Понял, что я отвлеклась, и если не проявить инициативу, то кофе остынет раньше, чем я закрою дверцу.

Моя дочка любит рисовать. Причем Юля любит рисовать исключительно нашу кошку, никакие другие объекты ее не интересуют. Зато *как* она ее рисует! Ребенку совершенно наплевать на законы физики, природы и изобразительного ис-

кусства. Тем более что она особо и не в курсе, что такие законы вообще существуют. Она рисует, как Бог на душу положит, и получается у нее довольно забавно. Необычно, уж точно. Я даже всерьез задумалась над тем, чтобы отдать ее в художественную школу – у нее явно есть свой стиль, своя манера, хоть и несколько абстрактная.

Вот сейчас, например, она изобразила нашу животинку сидящей на подоконнике во вполне человеческой позе – свесив лапы и закинув одну на другую. На кошачьей голове красуется шляпа с огромными полями, закрывшая один глаз, зато второй светится сочным лиловым цветом. Саму кошку Юле угодно было окрасить в нежно-розовый, с чуть заметными зеленоватыми пятнами. Выглядит несколько странно, словно кошка сдохла, и даже местами разложилась. Коготки добрая дочурка кисе позолотила, а в лапы поместила журнал под названием «Марсель», который та, видимо, читала. Поневоле задумаешься, может, я и в самом деле пришелец? Иначе в кого у деточки такие странные позы в изобразительном искусстве?

– М-да... Зато твое инопланетное происхождение многое мне объясняет в нашем ребенке, – задумчиво протянул муж, заглядывая мне через плечо. Вот уж кто точно умеет мысли читать!

– Везет тебе! – жалобно сказала я. – Мне бы вот хоть как-то понять, что творится в голове у нашей Юли..

– Ничего страшного там не творится, – оптимистично за-

верил он меня, – просто у нее буйная фантазия. Так это ведь хорошо!

– Ага, – согласилась я, и, еще раз глянув на картинку, добавила: – наверное...

Илья быстро попил со мной кофе с мороженым и засобирался к друзьям. Обижаться на него я и не думала. Во-первых, он редко вот так вот куда-то выбирался, а мужчинам иногда полезно посидеть в чисто мужской компании. А во-вторых, зная, как он не любит Марго, я бы только дергалась, если бы он решил остаться. Да и она наверняка не удержалась бы, вякнула ему какую-нибудь гадость, только настроение испортила... Не говоря уже о том, что мне, чисто по-женски было спокойнее, что он будет подальше от нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.